

Глава 35. Я заберу Шэнь Чжиюя себе

Величественный Императорский город высился здесь уже несколько сотен лет. Подобно древнему божеству, исполняющему волю Небес, он безмолвно взирал на суету этого мира. Город видел юных полководцев, что вели войска на далекий север и поили коней в водах бескрайних морей; видел блестящих ученых, преуспевших на государственных экзаменах и становившихся великими министрами. Он вкушал плоды небывалого процветания, но в то же время безмолвно сносил горечь увядания династий, храня в своей памяти чужие обиды, застарелую вражду и мимолетную любовь.

Стук колес мерно отдавался в тишине пустынных переулков. Экипаж катился по дворцовой дороге, направляясь в сторону Императорской тюрьмы Тяньлао.

— К чему такая спешка? — Юань Чэ, совершенно позабыв о приличиях, развалился на мягком сиденье и сладко зевнул. — Тебе следовало еще отдохнуть, а дело отложить до утра. Пусть бы Елюй Лу со своими людьми присмотрел за ним, за одну ночь ничего бы не случилось.

Шэнь Чжиюй задумчиво разглядывал проплывавшие за окном дворцовые стены. Заметив краем глаза, как император зевает во весь рот, он спокойно ответил:

— Если Ваше Величество клонит в сон, можете поспать прямо здесь. Я справлюсь один.

— Ну уж нет! — Юань Чэ мгновенно выпрямился, и от его сонливости не осталось и следа. — При чем тут я? Я о тебе говорю.

Шэнь Чжиюй негромко вздохнул:

— Я и так проспал весь день.

— Вот именно, проспал весь день! Но посмотри на себя — бледный, вялый, краше в гроб кладут.

— Просто двигаться лень...

— Кому ты лапшу на уши вешаешь? Если уж тебе лень, то во всей Великой Чу более прилежных людей точно не найти, — Юань Чэ принялся. До его чуткого носа долетел едва уловимый, прохладный аромат чистой воды и благовоний. — Ого, ты еще и искупаться успел? Да ладно тебе, речная вода не такая уж и грязная. Вот я, к примеру, смыть дорожную пыль так и не успел. Хочешь, господин канцлер, понюхай, сильно от меня несет?

С этими словами он бесцеремонно придвинулся к Шэнь Чжиюю, намереваясь навалиться на него всем телом.

Шэнь Чжиюй мгновенно уклонился, отстранившись в сторону. Юань Чэ не удержал равновесия и с глухим стуком приложился лбом о стенку экипажа. Машину ощутимо тряхнуло.

Снаружи Уянь, правивший лошадьми, натянул поводья. С тех пор как его приставили к Шэнь Чжиюю, он твердо усвоил главное правило выживания: когда император и канцлер остаются наедине, нужно притворяться глухим и слепым, а если уж приходится подавать голос — ни в коем случае не совать нос за занавеску.

Поэтому Уянь лишь негромко спросил сквозь плотную ткань:

— Ваше Величество, у вас там все в порядке?

— Все целы! Поезжай дальше! — Юань Чэ потер ушибленный лоб и обиженно проворчал: — Ох... Ну и ну, господин канцлер, хоть бы руку протянул ради приличия.

— Незачем, — Шэнь Чжиюй тихонько рассмеялся, глядя на его покрасневший лоб, и пересел на место, где только что сидел Юань Чэ.

Шэнь Чжиюй любил улыбаться и делал это часто.

Но в его улыбках редко таилась искренность. Обычно он лишь слегка приподнимал уголки губ и вежливо смотрел на собеседника своими выразительными, красивого разреза глазами. Такая манера не казалась оскорбительной, но и не позволяла усомниться в его превосходстве. Порой от этого взгляда у людей пробегал мороз по коже, порой же, напротив, в нем читалось бесконечное снисхождение и понимание — настолько глубокое, что хотелось пасть ниц и выложить канцлеру все свои самые грязные тайны.

Однако сейчас он смеялся совершенно искренне, просто забавной неловкости ради. Подобная улыбка была редким даром. Юань Чэ залюбовался им, напрочь забыв о ноющей боли во лбу.

Осознав, что в своей прошлой жизни он в корне неверно понимал отношения между Шэнь Чжиюем и Ли Хаем, Юань Чэ почувствовал, как с души свалился огромный камень. От радости за ужином он даже съел на две чашки риса больше обычного.

После своего перерождения он не решался трогать младшего принца только из-за Шэнь Чжиюя, вынужденно делая вид, будто этого мальчишки вовсе не существует. На первый взгляд это казалось пустяком, однако Юань Чэ прекрасно понимал: Ли Хай — бомба замедленного действия, застрявшая между ним и канцлером. Рано или поздно случайная искра могла спровоцировать взрыв.

Поэтому, какими бы мирными ни казались их отношения с Шэнь Чжиюем в последнее время, в душе Юань Чэ оставалась пустота. Он словно балансировал на качелях над пропастью, готовый сорваться в любой миг.

«Но теперь все изменилось. Если с самого начала между Ли Хаем и Шэнь Чжиюем не было никакой искренней привязанности, а их союз строился лишь на холодном расчете, значит, у меня появился шанс. В этот раз я заберу Шэнь Чжиюя себе. Чего бы это ни стоило, сколько бы усилий ни пришлось приложить — я пойду до конца. В конце концов, шаткий мостик над ущельем куда лучше глухого тупика, ведущего на плаху. А когда представится удобный случай, я просто избавлюсь от этого паршивца Ли Хая»

Громкий чих Шэнь Чжиюя вернул Юань Чэ к реальности. Императорская тюрьма Тяньлао располагалась в самых глубинах дворцового комплекса. Место для содержания опасных преступников по определению не могло находиться на благодатной земле с хорошим фэншуй. Обитатели двора питали к этим казематам глубокое отвращение и предпочитали делать крюк, лишь бы не проходить мимо. Здесь не чувствовалось тепла человеческой жизни, а с наступлением сумерек сырой холод въедался под кожу куда сильнее, чем на открытых улицах.

— Холодно? — спросил Юань Чэ, уже поднимаясь, чтобы порыться в дорожном сундуке в поисках теплых вещей.

Шэнь Чжиюй потер заложивший нос:

— Нет, просто вчерашнее купание в реке дает о себе знать...

— Все равно накинь что-нибудь сверху.

Выудив плотную накидку, Юань Чэ сперва хотел просто бросить ее канцлеру, но побоялся, что тот отмахнется. Император расправил ткань руками. В этот момент в нем не осталось ни капли монаршего величия. Откинув все церемонии, он думал лишь об одном.

«Уж этот Ли Хай точно не умеет так заботиться о людях!»

Он бережно набросил плащ на плечи Шэнь Чжиюя, принявшись заботливо разглаживать складки шерсти, и поднял голову.

По чистой случайности их лица оказались слишком близко. Кончики носов соприкоснулись.

В прошлый раз они находились так близко друг к другу лишь под водой, когда Юань Чэ делился с ним воздухом. Но тогда мутный речной поток и смертельная опасность заглушили любые иные чувства. Сейчас же все было иначе.

В полумраке кареты Юань Чэ мог сосчитать каждую ресничку Шэнь Чжиюя.

«Какие длинные»

Оба замерли, широко распахнув глаза. Стук их сердец заглушил мерный гул катящихся колес. Растерявшись от внезапной близости, Юань Чэ резко отпрянул назад, потерял равновесие и с глухим звуком свалился на пол экипажа. Маревو очарования рассеялось, а несчастную повозку вновь ощутимо тряхнуло.

— Ваше Величество, что случилось? — опять подал голос Уянь.

— Ничего! Жив я! Правь давай! — крикнул в ответ Юань Чэ, потирая ушибленный зад.

Шэнь Чжиюй, в отличие от императора, сохранил безупречную осанку. Он лишь молча отвел взгляд, уподобившись старому монаху в глубокой медитации.

Он пытался сделать вид, будто ничего не произошло. Юань Чэ прекрасно это понял.

Шэнь Чжиюй все видел и понимал, но упорно отказывался признавать очевидное. Ему хотелось наглухо укрыться под этим плащом, дожидаться, пока утихнет внутреннее пламя, и лишь тогда сделать вдох. А ожоги... что ж, их всегда можно спрятать под широкими рукавами чиновничьего платья.

Пройдут годы, былая буря утихнет, превратившись в праздные разговоры за чашкой чая, и они, возможно, даже посмеются над былым безрассудством юности.

Но Юань Чэ уже принял решение крепко держать Шэнь Чжиюя в своих руках. Разве мог он уступить теперь?

Поднявшись с пола, Юань Чэ опустился на одно колено прямо перед канцлером. Тесное пространство кареты вынуждало их смотреть друг другу в глаза. Юань Чэ вознамерился высказать все без утайки:

— Не отворачивайся. Послушай меня, раз уж выпала такая минута...

Экипаж содрогнулся в очередной раз и замер.

Юань Чэ застыл с полуоткрытым ртом.

— Ваше Величество! — раздался громкий голос Уяня снаружи. — Мы прибыли в Тяньлао!

Для Шэнь Чжиюя эти слова прозвучали спасительным избавлением. Поспешно запахнув плащ, он первым скользнул к выходу.

— Идем скорее.

Тень-Четырнадцать попался сегодня рано утром, прямо во время завтрака.

Воины Армии Гуйжун оказались на редкость суровыми ребятами — настоящие железные истуканы. Сначала они гнали его добрых пять ли, а затем мгновенно окружили, даже не сбив дыхания. Одним точным ударом шеста ему сломали ребро, натянули на голову мешок, и очнулся он уже здесь, в сырых казематах Тяньлао.

«Хоть бы дали доесть тот сочный пирожок с мясом. Какая расточительность! И за что мне только платят такое мизерное жалованье?»

Едва он закончил мысленно жаловаться на судьбу, как до его слуха долетел глухой, размеренный топот множества ног. В коридоре показались факельщики из числа варваров, выстроившиеся в два ровных ряда.

Тяжелая дверь камеры с лязгом распахнулась. Вошедший мужчина устроился на резном стуле, который для него спешно приволокли стражники.

Первое, что бросилось в глаза Тени-Четырнадцать, был огромный рост вошедшего. Прикованный цепями к полу, узник задрал голову так сильно, что в шее что-то хрустнуло, но лица ночного гостя рассмотреть так и не сумел.

Тем не менее он сразу догадался, кто перед ним. Без сомнения, это был варварский император, явившийся с дикого Севера. Сила, исходившая от него, была иной, нежели у изнеженных глав четырех великих семейств — первобытная, дикая мощь, не нуждавшаяся в паутине заговоров и интриг. Неудивительно, что под его началом ходила столь грозная армия.

Взгляд наемника скользнул чуть в сторону, и он замер от изумления: следом за Юань Чэ в камеру вошел Шэнь Чжуй.

Впрочем, Тень-Четырнадцать быстро справился с удивлением. Он нацепил на лицо привычную наглую ухмылку и обратился к канцлеру:

— Мое почтение господину канцлеру. Вы оказались еще краше, чем судачат в народе. Прошу прощения за то, что лишил жизни вашу служанку.

Затем он перевел взгляд на императора:

— Ваше Величество, раз уж вы изволили прибыть сюда вместе с господином Шэнем, мне, полагаю, не пережить эту ночь. Могу ли я высказать одну скромную просьбу перед смертью?

В камере повисло тяжелое молчание.

Варвары-охранники впервые видели столь беспечного смертника и невольно подивились его глупости. Юань Чэ редко снисходил до личных допросов, но каждый раз, когда он переступал порог темницы, узники молили о пощаде, захлебываясь слезами. Император не терпел угроз и презирал пустые торги. В его понимании человек, увиливающий от ответов, был бесполезен, а тратить время на бесполезный мусор он не собирался.

Стражники уже мысленно приготовили бедолагу на корм волкам, однако Юань Чэ лишь поудобнее устроился на стуле.

— Говори, — нарушил молчание Шэнь Чжияй.

Присутствующие сразу поняли: сегодня император выступал лишь безмолвной грозной тенью, а главным дознавателем был канцлер.

— Дайте мне парочку мясных пирожков, — тут же отозвался Тень-Четырнадцать. — С самого утра маковой росинки во рту не было.

— Будут тебе пирожки, — спокойно произнес Шэнь Чжияй. — Если сделаешь то, что должен.

Узник пожал плечами:

— Господин канцлер, я всего лишь мелкий посыльный. Чуть что не так — сразу под нож. Все, что мне известно, уместится в одну фразу: девчонку вашу действительно убил я. Больше мне сказать нечего.

— Решать, что тебе известно, а что нет, буду я, — отрезал Шэнь Чжияй.

Тень-Четырнадцать лишь хмыкнул в ответ.

— Кто отдал приказ?

— Ну зачем вы так, господин канцлер? Я ведь потомственный тайный страж семьи Ян. Мое дело простое: хозяин велит убить — я убиваю. А кто именно из господ отдал распоряжение, мне неизвестно. Приказы приходят свыше. Людям вроде меня дозволено увидеть господина лишь раз в году, на праздничном банкете в канун Нового года, и то издалека.

— Подобные сказки, — покачал головой Шэнь Чжияй, — оставь при себе. Они бесполезны.

Улыбка не сходила с лица пленника. Он явно вознамерился тянуть время, испытывая терпение

канцлера бесполезными отговорками. Он открыл было рот, чтобы выдать очередную глупость, как вдруг раздался резкий, свистящий звук.

Тень-Четырнадцать не успел ничего понять — перед правым глазом все мгновенно окрасилось в багровые тона, и лишь долю секунды спустя его настигла острая, невыносимая боль. Связанный по рукам и ногам, он рухнул на бок, корчась в судорогах и хрипя от муки.

Юань Чэ небрежно вертел в руках изящный наручный арбалет размером с ладонь, который он стащил у одного из стражников при входе. Тонкая стальная стрела уже ушла в цель.

— Тень-Четырнадцать... Кажется, так тебя зовут? — негромко произнес император, поглаживая пальцем теплое ложе арбалета, и поднялся со своего места.

В ту же секунду вся стража в камере синхронно опустилась на колени.

Лишь Шэнь Чжуй остался сидеть. Когда он попытался встать, Юань Чэ легким жестом велел ему оставаться на месте.

Бросив разряженное оружие одному из гвардейцев, император неторопливо подошел к корчащемуся на полу наемнику. Тень-Четырнадцать попытался отползти, но Юань Чэ наступил ему тяжелым сапогом на плечо, безжалостно прижимая к каменным плитам. Пробитый правый глаз узника уткнулся в холодный пол, под лицом быстро росла лужа темной крови.

Обычный человек давно бы испустил дух от такого обращения, но закаленное тело тайного стража упрямо цеплялось за жизнь.

— Господин канцлер задал тебе вопрос, — глухо произнес Юань Чэ. — Отвечай как следует. Усек?

Сотрясаясь от боли, Тень-Четырнадцать с трудом выдавил сквозь стиснутые зубы:

— Да...

Юань Чэ убрал ногу и кивком указал гвардейцам на пленника.

Двое гвардейцев мигом подхватили раненого под руки и оттащили к стене. Ждавший снаружи Чжото по первому знаку вошел в камеру, неся тяжелую аптекарскую сумку. Он ловко наложил тугую повязку на изувеченное лицо Тени-Четырнадцать, остановив кровотечение, и насильно впихнул ему в рот пилюлю, чтобы тот не лишился чувств от болевого шока.

Пока лекарь занимался своим делом, Юань Чэ поманил пальцем Уяня и без лишних слов выудил из его кармана чистый платок. Заметив несколько мелких брызг крови на белоснежном

рукаве Шэнь Чжияю, император бережно стер их, затем вытер собственные ладони и невозмутимо вернул испачканную ткань опешившему слуге.

Уянь лишь молча застыл, не зная, как реагировать на подобную бесцеремонность.

Когда через четверть часа пленника вернули на прежнее место, он выглядел так, словно с него заживо содрали кожу. Тюремная роба наполовину пропиталась багровой жижей, а былая спесь бесследно испарилась.

— Если будешь сотрудничать, получишь быструю смерть, — мягко произнес Шэнь Чжияю. — Но если продолжишь испытывать наше терпение, уверяю тебя: в этих стенах знают сотни способов заставить человека молить о кончине.

Тень-Четырнадцать понуро опустил голову и едва заметно кивнул.

— Раз уж у тебя отшибло память, я помогу тебе ее освежить, — продолжил канцлер. — Глава клана Ян всегда славился излишней осторожностью. Пытаться выдать удушение за волчьи укусы — это слишком глупый и топорный прием, совершенно не в его стиле.

Наемник уткнулся взглядом в пол, не смея поднять глаз.

— С другой стороны, сторонний заговорщик никак не мог обойти клан Ян и напрямую отдать приказ личному стражу семьи Ян. Вывод прост: господин Ян Бочжун обо всем знал и молча благословил это убийство.

Холодный пот покатился по спине Тени-Четырнадцать. Он до боли стиснул челюсти. Казалось, лекарство лекаря Чжото в одночасье перестало действовать, и рана на лице разгорелась с новой силой.

— Из чего следует...

Договорить Шэнь Чжияю не успел. Наемник резко вскинул голову. В этот же миг произошло сразу два события: Тень-Четырнадцать едва не выкрикнул мольбу замолчать, а Шэнь Чжияю повернулся к императору и негромко произнес:

— Ваше Величество, я чувствую себя неважно. Не могли бы вы лично принести мое лекарство из резиденции? Его убрали туда, куда вы распорядились, и слуги не смогут его найти.

Тень-Четырнадцать ошеломленно уставился на канцлера, не веря собственным ушам.

— Что? — Юань Чэ на мгновение растерялся, но, встретившись взглядом с Шэнь Чжияем, тут же уловил его негласный посыл. — А... Хорошо. Сделаю.

Наемник заворуженно наблюдал, как император уводит за собой всех гвардейцев. Мгновение — и в мрачном, гулком каземате остались только они двое.

Шэнь Чжиюй медленно приблизился к пленнику:

— Ну а теперь мы можем поговорить без свидетелей. Выкладывай.

— Я... я действительно не понимаю, о чем вы, господин канцлер.

— До этого момента из твоих уст не прозвучало ни единого слова правды, — тихо заметил Шэнь Чжиюй.

Наемник побледнел еще сильнее:

— У вас нет доказательств... Я ничего не признаю.

— Четыре великих семейства в сговоре с Ли Хаем убили Ин-эр и разыграли этот фарс лишь с одной целью — выманить меня сюда, чтобы ты передал мне их послание. Разве не так? — Видя, что пленник упрямо молчит, Шэнь Чжиюй резко рванулся вперед, мертвой хваткой сжав его лицо пальцами и заставляя смотреть прямо на себя. — Ну и что же? Я здесь. Почему ты молчишь? Смелости поубавилось?

Вопреки болезненному виду, канцлер обладал недюжинной силой. Тень-Четырнадцать, лишенный возможности сопротивляться, почувствовал, как свежая повязка вновь намокает от крови. Горячая жидкость заструилась по его щеке прямо на ладонь Шэнь Чжиюя, пачкая тот самый белоснежный рукав, который император столь бережно очищал минуту назад.

Но Шэнь Чжиюю было глубоко наплевать на пятна.

Решив, что смерть станет для него избавлением, Тень-Четырнадцать зажмурился, готовясь к худшему. Однако в следующее мгновение у самого уха раздался вкрадчивый голос канцлера:

— Неужели ты думаешь, что то, чем грозит тебе Ян Бочжун, мне исполнить сложнее?

Эти слова окончательно сломили наемника.

— Нет... Пожалуйста, не надо! Я все скажу! Только не трогайте их! Они ни в чем не виноваты! — забился в цепях Тень-Четырнадцать, его дыхание стало прерывистым. — Они правда ничего не знают!

— Вот и умница, — Шэнь Чжиюй отпустил его лицо и вернулся на свое сиденье. — Время у нас

есть. Рассказывай все, до мельчайших подробностей.

В то же самое время у ворот резиденции Вэнь стоял Вэнь Цзыюань. Облаченный в строгий темно-зеленый чиновничий халат, он с бесстрастным лицом устремил взор в сторону Императорского города.

Он отослал прочь всех слуг, и лишь Елюй Лу неторопливо приближался к нему, держа в руке тусклый бумажный фонарь.

Усадьба семейства Вэнь заметно уступала в роскоши величественной резиденции канцлера. Из поколения в поколение члены этого клана славились своим кротким, честным нравом. Они никогда не вступали в яростную борьбу за власть с великими домами и не стремились оказаться на гребне политических волн. Все, чего они желали, — мирной жизни в кругу близких.

У ворот росла раскидистая китайская яблоня, посаженная покойным отцом Вэнь Цзыюаня. Человека, давшего ей жизнь, давно не было на свете, но дерево упрямо тянулось к небу, усыпанное набухшими почками. Пройдет совсем немного времени, наступит апрель, и ветви покроются пышным алым цветом.

— Теперь-то ты понимаешь, что господин Шэнь добровольно ступил в эту ловушку? — негромко спросил Елюй Лу.

Вэнь Цзыюань обернулся к нему:

— Тебе не стоило приходить лишь ради того, чтобы напомнить мне об этом.

— Его Величество и господин Шэнь сейчас допрашивают наемника в Тяньлао, — Елюй Лу опустил фонарь пониже. — Глубокая ночь на дворе. Кого ты здесь ждешь?

Вэнь Цзыюань смерил его холодным взглядом и промолчал.

Внезапно из темноты переулка показался силуэт. Не доходя десяти шагов до ворот резиденции Вэнь, путник опустился на колени и громко произнес:

— Ничтожный простолюдин Ню Июн прибыл! Я готов сделать все, чтобы помочь господину канцлеру сокрушить власть великих семейств ради процветания государства! Даже если мне придется отдать жизнь, я не отступлю!

— Ню Июн, ты опоздал, — Вэнь Цзыюань сделал шаг за порог. — Моему брату сейчас не до

тебя.

Простолюдин склонил голову еще ниже:

— Господин канцлер затеял эту игру ради великой цели, и он не бросит ее на полпути. Я уверен, ему понадобятся мои скромные силы!

— Смелости тебе не занимать, — хмыкнул Вэнь Цзыюань. — Проходи. Брат оставил для тебя письмо. Прочтешь сам.

Согнувшись в почтительном поклоне, Ню Июн скользнул внутрь дома. Но перед тем как затворить тяжелые створки ворот, Вэнь Цзыюань бросил взгляд на Елюй Лу, который так и остался стоять на безлюдной улице с одиноким фонарем в руке.

Одинокая фигура на фоне черной ночи казалась неприкаянной.

Их дома находились в противоположных концах столицы — один у Западного рынка, другой у Восточного. Путь был неблизким. Елюй Лу проделал эту дорогу пешком в глухую полночь, продрогнув на пронизывающем ветру, лишь для того, чтобы перекинуться с ним парой слов. Он, должно быть, испугался, что Вэнь Цзыюань впадет в уныние, узнав о планах Шэнь Чжиюя, и пришел утешить его.

Бедному варвару просто не повезло — его приход совпал с визитом Ню Июна.

Если запереть перед ним дверь, ему придется проделать весь этот долгий путь обратно в одиночку.

Хватит ли свечи в его фонаре на обратную дорогу? Не погаснет ли она на полпути, оставив его в крошечной тьме?

«О чем я вообще думаю? Я не звал его сюда. С какой стати мне заботиться о его возвращении?»

С этими мыслями он решительно повернулся и пошел вглубь двора. Но в памяти невольно всплыло растерянное лицо Елюй Лу, когда тот случайно ранил его, и то, как бережно варвар менял ему повязки на ранах. Совесть не позволила уйти просто так. Вэнь Цзыюань вздохнул, развернулся и снова распахнул ворота:

— Чего застыл на холоде? Заходи давай.

Елюй Лу на миг опешил, а затем его лицо озарилось широкой, теплой улыбкой:

— Иду.

<http://bllate.org/book/20512/2213848>